

2005. – 22 с.

Пименова М.В. Политика в зеркале метафоры (кулинарные концептуальные метафоры в описании политики) // Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2003. – С.131-132.

Пименов Е.А., Пименова М.В. Россия глазами русских (концептуальные метафоры как особенность национальной ментальности) // Ментальность и язык: коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 184-209.

Чернякова М.В. Театральная метафора как средство манипуляции в публикациях российских и американских СМИ, посвященных войне в Ираке // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 13. – С. 86-96.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1999-2000). – Екатеринбург, 2001.

Шаова О.А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет): Автореф. дис. ... к.ф.н./ 10.02.20. – Екатеринбург, 2005. – 22 с.

© Пименова М.В., 2007

Слободяник Н. Б.

Клайпеда, Литва

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
К ВОПРОСУ О РОЛИ СОЦИАЛЬНОГО
АНТАГОНИЗМА**

**(о концепции политического дискурса
Лаклау и Муффа)**

Abstract

The paper is based on the modern researches in the theory of political discourse (Laklau, Muff, Zizek) and the antagonistic model of democracy (Laklau and Muff). The author described the discourse mechanism of construing identity in political discourse and specified the role social antagonism plays in the sense of structuring the given discourse space (discourse of political identity).

«Современная лингвистическая наука, – пишет Э. Лассан, – как никогда ранее, может считаться прикладной – не только в смысле создания норм орфографии или совершенствования лексикографических описаний, но в смысле изучения того, что может способствовать главной цели наук, связанных с человеком – познанию самого человека, ибо именно объектом лингвистики – языком – пронизаны, согласно Лакану, все уровни человеческой психики, включая и его бессознательное» [Лассан http].

Расширение сферы лингвистики вплоть до включения в область исследо-

вания всех видов дискурсно конструируемых социальных отношений привело к тому, что в центре внимания филологических исследований по политическому дискурсу оказалась проблема идентичности социальных элементов (политических агентов), а точнее, того сложного дискурсивного механизма, который задает и поддерживает идентичность конкретного идеологического поля вне зависимости от любого возможного его содержания [Жижек 1999: 93] и, что немаловажно, позволяет тому или иному высказыванию быть сказанным и выглядеть органичным дискурсу той или иной политической идентичности.

В данной статье мы попытаемся, с опорой на современные разработки в области теории политического дискурса (Лаклау, Муффа, Жижек) и агонистической модели демократии (Лаклау и Муффа), описать дискурсивный механизм конструирования идентичности в политическом дискурсе, а также показать, какую роль играет социальный антагонизм в смысле структурирования данного дискурсивного пространства (дискурса политической идентичности).

Процесс конструирования политической идентичности неразрывно связан с процессом конструирования социальной реальности как таковой [Laclau 1994: 1]. Связи дискурса и реальности – давнему предмету дискуссии дескриптивизма и антидескриптивизма, состоящему в вопросе: как соотносятся имена и предметы, которые эти имена обозначают [Жижек 1999: 94] – в современной лингвистической теории уделяется немало внимания. Это работа Лакана «Функция и поле речи и языка в психоанализе» [http], психоаналитическое исследование идеологии Славоя Жижека «Возвышенный объект идеологии» [1999] и, несомненно, аналитическая теория дискурса Лаклау и Муффа [Laclau and Mouffe 1985].

Определяя дискурс как смысловое поле, как нечто, что превосходит любую действительную непосредственность, как область, где образуются смыслы и значения [Torfing 1999: 85-100], Лаклау и Муффа отмечают: «Тот факт, что каждый объект конституирован как объект дискурса, не имеет ничего общего с вопросом о существовании мира внешнего по отношению к мысли или с оппозицией реализм/идеализм. Землетрясе-

ние или падение кирпича – это события, которые реально существуют, в том смысле, что они случаются здесь и сейчас независимо от моей воли. Но вопрос, насколько они получают свою специфику как объекты, определенные в терминах «природного явления» или «выражения гнева Господнего», зависит от организации дискурсивного поля. Что отрицается, так это не то, что объекты существуют внешне по отношению к мысли, но совершенно иное – то, что они могут конституировать себя как объекты вне любого дискурсивного условия своего проявления» [Laclau and Mouffe 1985: 108]

Здесь концепция дискурса Лаклау перекликается с поздними работами Фуко – «Археология знания» [1996], где дискурс понимается как тонкая контактирующая поверхность, сближающая язык и реальность, где дискурсы более не трактуются как совокупности знаков (означающих элементов, которые отсылают к содержанию или репрезентации), а как практика, которая систематически формирует объекты, о которых они (дискурсы) говорят [Фуко 1996: 49]: «Не стоит воображать, что мир обратит к нам свое ясное лицо ... Мир не соучастник нашего знания, не существует никакого преддискурсивного провидения...» [Фуко [http](#)] («Вначале было Слово»).

При этом Фуко отрицает не существование некоей реальности вне дискурса, но возможность ее восприятия не через дискурс и вне дискурсивной структуры: в процессе восприятия происходит категоризация и интерпретация опыта и событий в соответствии со структурами, находящимися в (нашем) распоряжении. И выйти за рамки данных структур хотя и возможно, но непросто. [Mills 2004: 46-47]

Поддаваясь искушению радикализировать концепцию дискурса Лаклау и Муффа, вспомним лакановское [Лакан [http](#)] представление о слове как смерти, убийстве вещи, – «когда порядок символического конституируется не человеком и не духом, конституирующим человека, но он сам конституирует человека» [Эко [http](#)], а так же позволим себе процитировать Жижека, который пишет: «В той мере, в какой действительность символизирована, заключена в символическую систему, вещь как таковая оказывается представлена в слове, в своем понятии, а не в непосредственной данности»

[Жижек 1999: 135].

Таким образом, принимая во внимание вышесказанное, не можем не согласиться с Лаклау и Муффа, которые утверждают, что все так называемые нон-дискурсивные комплексы, а именно – политические интервенции, технологии и т.д., более не предстают как некая объективная реальность, но как относительные системы дифференциальных идентичностей, которые не конструируются объективной необходимостью (Богом, Природой, Разумом), и могут пониматься только как *дискурсивные артикуляции*. [Laclau and Mouffe 1985: 107]

Дискурсивная артикуляция, представляя собой такую практику, которая устанавливает отношения между элементами таким образом, что их идентичность модифицируется в результате данной артикуляционной практики [Torfing 1999: 298]; по сути, является тем процессом, в результате которого образуется дискурсивная формация – «все то, что может и должно быть сказано». Обратимся к проблеме определения границ данных «возможностей».

В отличие от концепции (политического) дискурса как языковой области в рамках социального (политического) пространства, дискурс в концепции Лаклау и Муффа как бы взаимопротяжен (*англ.* *co-extensive*) с социальным, причем конструирование идентичности социального элемента в рамках дискурса будет носить не произвольный, но очевидный (в логическом понимании данного термина – *H.C.*) характер, поскольку будет являться частью некоего целого, элементы которого взаимообусловлены. Как следствие, конструирование идентичности как процесс будет неизбежно подразумевать некое последовательное движение в границах конкретного дискурса или «определенные колебания в рамках прагматически определенных возможностей» [Torfing 1999: 95-96].

Известно, что еще Фуко, занимаясь исследованием медицинского дискурса в области психиатрии, задавался вопросом о границах дискурсивной формации, их определении и возможной последовательности в производстве значения в рамках одного и того же дискурса. Лаклау и Муффа также склонны рассматривать дискурсы как более или менее регулируемые системы рассеивания, где дискурсивные мо-

менты рассеиваются, но существуют такие организующие эффекты, которые содействуют определенной регулярности, описываемой как «совокупность». При этом дискурс (политической идентичности), не представляя собой окончательно сформированную область репрезентации, стремится выстроить идеологическую завершенность [Torfing 1999: 118] (подобно тому, как в ситуации радикальной дезорганизации возникает потребность в порядке, а Закону следуют не столько потому, что он рационален, сколько, потому, что это Закон. [Laclau 1994: 3])

При этом одну из основополагающих ролей в упорядочении данной дискурсивной формации (или дискурса политической идентичности) и конструировании границ последней Лаклау и Муфф отводят явлению *социального антагонизма*.

По свидетельству Лаклау ключевым термином для понимания процесса конструирования политической идентичности является психоаналитическая категория *идентификации* [Laclau 1994: 3], в самом широком смысле понимаемая как процесс (само) отождествления с кем-либо / чем-либо. Проблема идентификации занимает умы ученых уже не одно десятилетие. Самые яркие работы в области данной проблемы, безусловно, принадлежат психоанализу и связаны с именами Фрейда, Лакана, Жижека, а также теоретиков политического и социального пространства Лаклау и Муфф. В частности, еще Фрейд занимался проблемой процесса идентификации и конструирования коллективных идентичностей «мы» через определение «они», при этом, отмечая ту огромную роль, которую играют антагонистические отношения для установления идентификации между членами сообщества, связывающей последних в одну коллективную идентичность. [Mouffe 2005: 25-26]

Муфф также отмечает, что одной из существующих стратегий коммуникативной самопрезентации языковой личности является презентация «нас» через описание «их»: «Политика нацелена на создание единства в контексте конфликта и несходства; она всегда занимается созданием «нас» через определение «их»» [Муфф 2004: 194] Однако, проблема будет заключаться вовсе не в том, каким же образом возможно было бы преодолеть данное противостояние мы/они, а в том,

какова форма его установления. Дело в том, что конструирование «мы» через определение «они» может идти двумя путями: когда «они» – это враги, которых необходимо не только победить, но и уничтожить; и, с другой стороны, «они» – соперники, т.е. те, с чьими идеями мы боремся, но в чьем праве отстаивать их мы не сомневаемся. [Муфф 2004: 194] Тем не менее, отмечает Ш. Муфф, ошибочно было бы приравнивать категорию «соперник» к либеральному представлению о конкуренте, с которым ее иногда отождествляют, так как данная категория («соперник») все же не снимает антагонизма: «Соперник – это враг, но враг легитимный, враг, с которым у нас есть определенные точки соприкосновения ... (здесь Муфф в качестве примера приводит такие этико-политические принципы либеральной демократии как свобода и равенство – Н. С.) ... Но у нас имеются разногласия по поводу значения и осуществления указанных принципов, причем такие разногласия невозможно разрешить путем рационального обсуждения» (так как принять точку зрения соперника означало бы испытать радикальное изменение политической идентичности). «Учитывая неискоренимость плюрализма ценностей, не существует никакого рационального решения конфликта, чем обуславливается его антагонистическое измерение...» – пишет Ш. Муфф. При этом возможны и компромиссы, но их следует рассматривать как временную передышку в непрекращающемся противостоянии [Муфф 2004: 195]

Вводя категорию «соперник», Ш. Муфф считает необходимым проводить четкую грань между двумя отличными формами понятия антагонизма: между *антагонизмом* в собственном смысле слова и *агонизмом*. «*Антагонизм* – это борьба между врагами, тогда как *агонизм* – это борьба между соперниками» [Муфф 2004: 195]. Как следствие из вышесказанного, конструирование идентичности может выстраиваться по двум каналам, где в процессе идентификации, противник конструировался бы либо в качестве врага, либо в качестве соперника. Каким лингвистическим механизмам отдается предпочтение в том или ином случае, мы увидим ниже.

Предвосхищая возможные вопросы по поводу того, на сколько правомочно

было бы говорить о необходимости антагонистических отношений в условиях демократии (проблема трактования которой занимает умы ученых и политиков в настоящее время особенно остро), Ш. Муфф подчеркивает, что агонистический плюрализм, или агонистическое противоборство, является, по ее мнению, основным условием демократии и ни в коей мере не ставит (как может показаться) ее существование под угрозу: «Своеобразие современной демократии, – пишет Муфф, – заключается в признании и легитимизации конфликта и отказе от его подавления путем навязывания авторитарного порядка. Порывая с символическим представлением общества в виде органического тела, характерным для холистской формы социальной организации, демократическое общество признает плюрализм ценностей», а следовательно «...и неизбежные конфликты, которые он за собой влечет» [Муфф 2004: 195]. Соглашаясь с теми, кто утверждает, что «плюралистическая демократия нуждается в **определённом** (выделено – Н.С.) консенсусе», Ш. Муфф отмечает, что данный консенсус неизбежно будет «конфликтным консенсусом», поскольку «этико-политические принципы» демократии «могут существовать лишь во множестве разнообразных противоречивых интерпретаций». Ш. Муфф пишет: «В идеале подобное противоборство должно вестись вокруг различных концепций гражданства, которые соответствуют различным интерпретациям этико-политических принципов: либерально-консервативной, социал-демократической, неолиберальной, радикально-демократической и т.д. Каждая из них предлагает свое понимание «общего блага» и пытается установить особую форму гегемонии». Более того, наличие таких соперничающих форм гражданской идентификации является просто необходимостью, способствующей сохранению институтов демократической системы: они создают область, в которой страсти могут быть мобилизованы вокруг демократических ценностей и антагонизма, преобразованного в агонизм. [Муфф 2004: 195]

Продолжая тему основополагающей роли социального антагонизма в установлении границ дискурса той или иной политической идентичности, вновь обратимся к работе Лаклау и, в частности, к

вводимому им понятию *внешнего составляющего* (англ. *constitutive outside*).

Внешнее составляющее, по Лаклау, представляет собой дискурсное проявление Другого («как его понимал Лакан – Другого с большой буквы, некоего символического порядка» [Жижек 1999: 109]) Никак иначе, а именно посредством отрицания-исключения этого внешнего составляющего (или как его еще называет Лаклау – *радикальной инаковости*) и происходит установление границ дискурсной формации той или иной политической идентичности, находящейся в условиях социального антагонизма с некоторым Другим. При этом парадокс заключается в том, что внешнее составляющее, будет одновременно и конституировать и отрицать идентичность дискурсной формации, из которой оно (внешнее составляющее) исключено: т.е. будет являться как необходимым (!) условием возможности, так и условием невозможности последней [Torfing 1999: 124].

В качестве иллюстрации-доказательства того, что внешнее составляющее является предпосылкой конструирования идентичности отрицающей его силы, границы дискурса которой могут конструироваться только по отношению к угрожающему внешнему [Torfing 1999: 299], вспомним тот факт, что по сути, окончание холодной войны ознаменовало также и конец так называемых глобальных идеологий (имеется в виду противостояние СССР и Западного мира, находящегося за железным занавесом), которые доминировали на политической арене с 1945 года. Достигнутый консенсус-перемирие, как ни парадоксально, привел к образованию очевидных пустот в идеологическом поле обеих сторон, поскольку, по всей видимости, в отсутствие Другого внятно конституировать собственную политическую идентичность оказалось весьма сложно (если вообще возможно). Это проявилось, в конце-концов, в поиске-нахождении внешнего составляющего (в терминах Лаклау) – мировой террористической угрозы, в результате чего родилась та самая «ось зла», вербализированная Бушем младшим в ходе выступления перед конгрессом 29 января 2002 года. Таким образом, перефразируя Э. Лассан, скажем: необходимо иметь образы Других в своей рефлексии, чтобы создать Себя. [Лассан

http]

Обратимся непосредственно к механизму конструирования идентичности, находящейся в отношениях социального антагонизма с некоторым Другим и выстраивающей себя посредством описания «мы» через определение «они» (или внешнего составляющего).

При таких условиях центральными в процессе конструирования идентичности моментами, по Лаклау и Муфф, являются: отношения сходства и различия (*логика эквивалентности* и *логика различия*), а также унификационный эффект *узловых точек* (*фр. point de captation*).

Логика эквивалентности выстраивает различные элементы дискурса в цепь эквивалентных идентичностей, которые рассматриваются при этом как обладающие сходством. Логика различия, соответственно, сопоставляет дискурсные моменты на основании их различия. [Torfing 1999: 300-301] При этом в основе логики различия будут лежать синтагматические отношения элементов структуры (дискурса), в основе логики эквивалентности – парадигматические, что, в свою очередь, объясняет тот факт, что между эквивалентными элементами цепи нет идентичности, но лишь сходство в том или ином аспекте и различие в остальных. Однако, несмотря на это, при развертывании цепей эквивалентностей акцент на моменте сходства настолько ограничивает игру различий, что, практически, сводит ее на нет. [Torfing 1999: 97]

Следует отметить, что, как правило, конструирование внешнего составляющего в условиях, когда политический противник рассматривается как враг, а не легитимный соперник, происходит посредством развертывания именно цепей эквивалентностей (т.е. данная субстратегия является доминирующей). Причем происходит это не случайно – все дело в том, что отрицательность (коей в данном случае предстает внешнее составляющее), по свидетельству Лаклау и Муфф, не может при таких условиях быть представлена прямым способом, т.е. как позитивное (!) различие, но лишь косвенно, через цепь эквивалентностей (в терминах того или иного «подобия»), которые, в свою очередь, разрушают дифференциальный (с положительной коннотацией) характер дискурсивных идентичностей [Laclau and Mouffe 1985: 128]. При

этом выстраивание «подобия» будет происходить таким образом, чтобы аннулировать всю возможную позитивность отрицаемых элементов и, как следствие, будет порождать негативность как таковую [Torfing 1999: 124].

Ярким примером подобного выстраивания цепи эквивалентностей явилось известное определение "оси зла", в которую Джордж Буш включил такие различные по своим этико-политическим воззрениям страны, как Иран, Ирак и КНДР (при этом КНДР и Иран, пожалуй, с полным правом могли бы задать Бушу тот самый истерический вопрос, сформулированный Лаканом: «Почему я именно тот, кто я есть по-твоему?» «... что это за прибавочный, избыточный объект во мне, который является причиной интерпелляции Другого ко мне ...» [Жижек 1999: 118], т.е. что во мне есть такого, помимо меня самого?). Таким образом, была сделана попытка (хотя и не до конца удавшаяся) навязать мировому сообществу мнение о том, что эти страны (Иран, Ирак и Северная Корея) ведут скоординированную политику против всего остального мира (помимо всего прочего, по свидетельству Клиффорда Гэдди, данное определение – «ось зла» – также может наводить на определенные исторические реминисценции: например, о существовании в период Второй мировой войны своего рода "оси зла", в которую входили нацистская Германия, фашистская Италия и Япония, по отношению к которым применение термина "ось" было вполне обоснованным, так как эти страны как раз и проводили скоординированную политику против всего остального мира). Однако Ирак, Иран и Северная Корея, как известно, вовсе не действуют как единая "ось", понимание чего и привело к неоднозначной реакции на выстраивание данного «подобия» не только в мире, но и в самих США, когда бывшая госсекретарь Мадлен Олбрайт в интервью NBC подвергла критике слова Буша об "оси зла" и сообщила, что ставить Ирак, Иран и КНДР в один ряд нельзя, так как "эти страны сильно отличаются друг от друга". [Мехтиев http]

Любой дискурс (в том числе и политический), следуя Лаклау и Муфф [1985: 112], конструируется путем попытки захвата дискурсивного поля за счет развертывания *цепей означающих* (*англ.*

signifying chains), которые, являясь продуктом либо логики тождества, либо логики различия, акцентируют, каждый в свою очередь, сходство и различие элементов структуры и частично фиксируют значение так называемых *плавающих означающих* (*англ. floating signifiers*) – означающих без внятного референта [Жижека 1999: 95], когда, в терминах Крипке, не представляется возможности жесткой отсылки имени (*жесткого десигнатора*) к предмету, таким образом, чтобы имя указывало на один и тот же объект во всех возможных мирах, в которых этот объект существует. При этом значение внутри цепей означающих частично фиксируют некие привилегированные дискурсные точки, в терминах Лакана – *узловые точки* (*фр. points de capiton* – «*точки-пристежки*»), зачастую оказывающиеся *пустым означающим* (*англ. empty signifier*), которое может быть заполнено содержанием ряда плавающих означающих вследствие артикуляции последних посредством цепи эквивалентностей. [Torfing 1999: 98, 303] В качестве примера можно привести такие часто встречающиеся в политическом дискурсе узловые точки, как имена 'нация', 'демократия', 'порядок' (о 'демократия' и 'порядок' см. статью Э. Лассан и В. Макаровой «Народовластие как конец демократии? Несколько слов о «новой» русской риторике» [http](http://)), а в последнее время и 'терроризм' (см. статью Gololobov I. «Terrorism»: the present indefinite sense in contemporary political language. [http](http://)), которые характеризуются не столько насыщенностью значением сколько отсутствием содержания, что, как ни парадоксально, и содействует их роли структурирования и унификации дискурсного поля. [Torfing 1999: 98] В целом, механизм можно было бы описать следующим образом: ряд означающих «плавают», попеременно присоединяясь то к одному, то к другому означающему в рамках дискурсного поля, до тех пор пока некоторое *господствующее означающее* (*англ. master signifier*) не вмешивается и не конструирует идентичность последних путем их (плавающих означающих) фиксации через парадигматическую цепь эквивалентностей: «В конечном счете, как говорит Шалтай-Болтай, «важно, кто здесь хозяин», чтобы заставить слово значить то, что ему предназначено этим

хозяином» [Лассан [http](http://)].

Жижек приводит следующий пример: «в идеологическом пространстве «плавают» те или иные означающие – «свобода», «государство», «справедливость», «мир». Затем в их цепочку включается некое господствующее означающее – «коммунизм», ретроактивно придающее им «коммунистическое» значение. Тогда оказывается, что действительная «свобода» возможна только при условии преодоления формальной природы буржуазной свободы, которая на самом деле представляет собой одну из форм порабощения; «государство» оказывается основанием господства правящего класса; рыночный обмен не может быть «справедливым и равным», поскольку сама форма эквивалентного обмена между трудом и капиталом предполагает эксплуатацию; «война» оказывается неизбежным следствием деления общества на классы; только социалистическая революция приведет к прочному миру и т. д. (либерально-демократическое «пристегивание» артикулирует значение совершенно иначе, консервативное «пристегивание» противостоит обоим указанным полям, и так до бесконечности) [Жижек 1999: 107].

В заключение, хотелось бы коротко остановиться еще на двух понятиях, столь значимых для рассматриваемой в данной статье теории конструирования идентичности в политическом дискурсе. Это понятия *мифа* и *социального воображаемого* (*англ. social imaginary*).

Как отмечают Лаклау и Муфф, идеология есть конструирование частных (*англ. particular*) дискурсных форм в рамках притязаний на универсальное (*англ. universal*) [Torfing 1999: 114]. Данная концепция идеологии неразрывно связана с понятием *мифа* и *социального воображаемого*. В частности, миф в области политического Лаклау определяет как такой принцип толкования ситуации, в основе которого будет всегда лежать описание некоего идеального общества [Torfing 1999: 115]. Условием появления мифа является так называемая *структурная дислокация* (*англ. structural dislocation*), или нарушение имеющейся дискурсной формации, а функция мифа заключается в том, чтобы восстановить (или дословно – связать (*англ. suture*)) нарушенную область путем конституиро-

вания новой области репрезентации. Иными словами, роль мифа в основном гегемоническая: «миф формирует новую объективность посредством реартикуляции смещенных (*англ.* *dislocated*) элементов» [Torfing 1999: 115]. Однако, миф – это не просто утопическое описание некоего недостижимого общества. Будучи той поверхностью, на которой фиксируются неудовлетворенные требования, миф может трансформироваться в *социальное воображаемое* [Torfing 1999: 115].

В качестве примера социального воображаемого Торфинг приводит идеализированную концепцию прогресса в период Просвещения и коммунистическую мечту о бесклассовом обществе. Примером социального воображаемого, связанного с исконными ценностями русской культуры, пожалуй, по праву может считаться понимание «справедливости» (см. статьи Э. Лассан «Лингвистика как ангажированное знание» [http](http://www.auditorium.ru/conf/conf_fulltext/gololob.pdf), Э. Лассан и В. Макаровой «Народовластие как конец демократии? Несколько слов о «новой» русской риторике» [http](http://www.auditorium.ru/aud/p/lib.php?id=2230))

Торфинг, цитируя Лаклау, пишет: «Понятия мифа и социального воображаемого концептуализируют идеологические формы дискурса, цель которых – конструировать общество и социального агента как полностью и окончательно сформированные (дословно – сшитые (*англ.* *sutured*)) идентичности. Социальное воображаемое обеспечивает горизонт для значения ..., которое структурируется вокруг пустых, допускающих двойное толкование означающих», а «... миф обеспечивает принцип толкования, воплощенный в ряде норм, ценностей и пресуппозиций, что помогает конституировать новую объективность. ... Иными словами, идеология заставляет забыть о так называемой *неразрешимости* (условности и спорности той или иной дискурсивной формации в области политического – *Н.С.*) ... и конструирует реальный мир в терминах якобы до конца конституированных существностей ...» [Torfing 1999: 115-116]

Таким образом, можно говорить, что необходимым элементом конструирования идентичности в политическом дискурсе является внешняя составляющая, реализующаяся через логику эквивалентностей. В свою очередь необходи-

мым языковым элементом, обеспечивающим создание цепи эквивалентностей становятся плавающие означающие, структурированные в единое поле господствующим означающим. Отношение к внешней составляющей определяет тип политического пространства: **антагонизм / агонизм** его элементов. Можно также говорить, что поиск идентичности осуществляется через общность мифов, объединяющих политических субъектов в пространстве дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Gololobov I. «Terrorism»: the present indefinite sense in contemporary political language. // http://www.auditorium.ru/conf/conf_fulltext/gololob.pdf

Laclau E. and Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 1985.

Laclau E. (ed.) The Making of Political Identities. London: Verso, 1994.

Mouffe Ch. On the political. London: Routledge, 2005.

Mills S. Discourse. London: Routledge, 2004.

Torfing J. New Theories of Discourse: Laclau, Mouffe and Žižek. Oxford: Blackwell, 1999.

Голобов И. В. Теория политического дискурса Эрнесто Лаклау: Антропология, Меньшинства, Мультикультурализм. Вып. 3 (сент. 2003) // <http://www.auditorium.ru/aud/p/lib.php?id=2230>

Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.

Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. // http://lacan.narod.ru/ind_lak/lac_r2.htm

Лассан Э. Лингвистика как ангажированное знание. // <http://ling.x-artstudio.de/st9.html>

Лассан Э. Плюрализм возможен консенсус исключен: роман Ю. Давыдова “Бестселлер” в свете “лингвистического поворота” в гуманитарных науках. // <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/197/24/>

Лассан Э. и Макарова В. Народовластие как конец демократии? Несколько слов о «новой» русской риторике. // <http://ling.x-artstudio.de/st1.html>

Мехтиев А. Перспективы системы международных отношений (11 февраля 2002) (интервью с Клиффордом Гэдди) // <http://www.strana.ru/stories/02/01/31/2442/111323.html>

Муфф Ш. К агонистической модели демократии. // Логос # 2 2004 (42), стр. 180-197.

Фуко М. Археология знания. К.: Ника-Центр, 1996.

Фуко М. Порядок дискурса. // <http://yanko.lib.ru/books/philosoph/foucault/fukovolya/fukovolyaall.html>

Эко У. Структура и отсутствие. //

© Слободяник Н. Б., 2007

Солопова О. А.
Челябинск, Россия
**КРИЗИС «НАСТОЯЩЕГО»
В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ**

Abstract

The present article deals with the problem of modeling "the present moment" in Russian political discourse. The author argues that the fact of predominantly negative representation of "the present moment" can be explained not only by some objective factors existing in Russian political reality but also by peculiarities of Russian culture and human perception of time.

*Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого нет.*

А. Блок

Изучение концептуальной метафоры привлекает к себе внимание многих современных исследователей, поскольку позволяет раскрыть когнитивные механизмы осмысления и моделирования действительности посредством языка. Одной из важнейших сфер бытия человека социального является политический дискурс, представленный многими жанрами и тематическими областями. Борьба за власть, составляющая суть политического дискурса, неизбежно требует сравнения данной политической ситуации с некоторым положением дел раньше, теперь и в будущем. Среди исследований метафорического моделирования огромное количество работ посвящено изучению настоящего момента политической действительности: развитию тех или иных метафорических моделей, исследованию концептосфер, тематических областей, конкретных политических событий, идиостилей и др. (В. Н. Базылев, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, В. Г. Костомаров, Н. А. Кузьмина, Н. А. Купина, Т. Г. Скребцова, А. П. Чудинов, G. Fauconnier, L. B. Hinds, G. Lakoff, M. Turner, T. O. Windt). Менее изученным является моделирование образов прошлого (F. J. Antzac, D. Graber, I. Hellsten, R. Paris, R. Slaughter, M. E. Stuckley) и будущего (П. Бурдые, Шмелева, D. Graber, A. Judge, P. Watzlawick, M. Zdenek). В частности, вне поля зрения ученых осталось метафорическое пред-

ставление триады базовых темпоральных отрезков «прошлое – настоящее – будущее» в целом, в совокупности аксиологической значимости данных темпоральных концептов для социума, а также влияние образов прошлого и будущего на формирование и концептуализацию образа настоящей действительности.

Исследователи современного политического дискурса неизменно отмечают, что при моделировании современной действительности наибольшее развитие получают модели (их отдельные фреймы и слоты) с концептуальными векторами жестокости, агрессивности, соперничества, неестественности, отклонения от естественного порядка вещей, возбуждающие агрессивное состояние адресата, которые, негативно представляя предмет речи, создают в предвыборном дискурсе образ враждебной политической реальности.

Используя концептуальные метафоры, политики и публицисты осуществляют «смысловую перепланировку мира» читателя, его рефреймирование [Иссерс 1999: 240]. Проводя многозначное событие через тот или иной метафорический «оценочный фильтр», интерпретируя его в рамках определенной концептуальной модели, политические деятели и СМИ представляют настоящее в светлых или темных красках: одни и те же концепты могут приобретать в зависимости от задач политика как позитивную, так и негативную эмоциональную окраску.

При создании образа «светлого настоящего» подчеркиваются размах и всеохватность позитивных преобразований, определяемых профессиональным чутьем пребывающего у власти правительства и пониманием им насущных проблем общества, выдвигается на первый план нужная информация, «способная представить их в выгодном свете и отвлечь внимание общественности от информации, способной нанести ущерб их интересам» [Чудинов 2003: 57]. Однако заявлений подобного плана немного на страницах периодической печати:

- *Либеральный патриотизм – патриотизм деятельный: мы выстраиваем страну, которая стоит того, чтобы здесь жить, работать и растить детей (предвыборная программа партии СПС (2003);*

- *Политическая система России, мне*